

Научная статья

УДК 81.22

doi: 10.17223/19996195/69/3

Лингвоэтические аспекты политической корректности

Ольга Аркадьевна Леонтович^{1,2}

¹ *Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия*

² *Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия*
^{1,2} *olgaleo@list.ru*

Аннотация. Рассматривается соотношение языкового аспекта политической корректности (ПК), вежливости и этической составляющей западного публичного дискурса. Материал исследования составляют 156 публицистических статей в англоязычных и русскоязычных изданиях 2023–2024 гг., 28 речей известных американских и британских политиков, ученых и деятелей культуры того же временного периода, а также онлайн-словари, этические кодексы и руководства университетов и компаний, веб-блоги и высказывания пользователей в социальных сетях, телевизионных передачах и видеороликах, относящиеся к проблеме политкорректности.

Методы исследования включают дефиниционный анализ, семиотический метод; контекстуальный анализ, а также критический дискурс-анализ. Особое внимание в процессе исследования уделялось прецедентности и интертекстуальности, играющим важную роль в формировании культурных смыслов.

Показано, что политическая корректность может трактоваться как: 1) свод этических норм; 2) форма вежливости; 3) система политических взглядов; 4) средство ограничения свободы слова. Проблемы, возникающие при ее исследовании, включают: неоднозначность этических норм, приводящую к тому, что защита одних социальных сообществ нередко означает посягательство на интересы других; «право на обиду» меньшинственных групп, в то время как права мажоритарных игнорируются; неоднородность меньшинственных групп, а также индивидуальные предпочтения участников коммуникации. Сторонники политкорректности утверждают, что проповедуемые ими этические принципы предполагают уважение к личности; инклюзивность, заключающуюся в том, что все группы населения должны быть одинаково включены в разные виды общественной деятельности; а также минимизацию вреда, наносимого использованием дискриминационного языка и поведения по отношению к исторически притесняемым социальным группам. Противники же заявляют, что это разновидность цензуры, подавляющая свободу слова, приводящая к поляризации точек зрения и к этическим разногласиям.

Политкорректность формирует систему политических взглядов, при этом в разные времена наблюдается перевес в сторону консервативных либо либеральных идей. В настоящее время она знаменует собой водораздел между демократами и республиканцами в США, лейбористами и консерваторами в Великобритании.

Положительная сторона политической корректности как формы вежливости заключается в неупотреблении языковых выражений и невербальных жестов, оскорбляющих коммуникантов по различным параметрам их идентичности. Однако ее чрезмерное внедрение в публичный дискурс чревато злоупотреблением

авторитарно навязанными вербальными формами, попытками пересмотреть устоявшиеся классификации и установить в обществе «лингвистическую гигиену». Стереотипный язык становится способом формирования картины мира не по принципу понимания сущности явлений, а по линии наделяния соответствующей терминологии оценочностью («хорошо – плохо») как результата внушения. Языковой аспект политкорректности проецируется на коммуникативные практики во всех сферах жизни западных обществ: определяет политику учебных заведений, влияет на киноиндустрию, спорт, литературу, живопись, определяет характер рекламы и продажи товаров широкого потребления, а также международные отношения, вступает в противоречие с критическим дискурсом и поиском научной истины.

По результатам исследования сделан вывод о том, что в настоящее время при использовании политкорректности меняется векторность взаимоотношения языка и действительности: сторонники утверждают, что необходимо регулировать слова, чтобы они не вели к неправильным действиям. За новой терминологией стоит конструктивистская идея – перестроить систему традиционных ценностей, создать «новое общество» и, соответственно, сконструировать альтернативную картину мира. Кроме того, слова и выражения, не имеющие непосредственного отношения к политкорректности, стали наделяться новыми смыслами, обретать дополнительные семантические связи и коннотации. На международном уровне нормы политкорректности в большинстве своем диктуются англоговорящими странами, в особенности США; в связи с чем необходима разработка межкультурных норм политкорректности с учетом как универсальных ценностей, так и национальной специфики разных языков и культур.

Ключевые слова: этика, вежливость, политическая корректность, социальный конструкционизм, свобода слова, политический дискурс

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

Для цитирования: Леонтович О.А. Лингвоэтические аспекты политической корректности // Язык и культура. 2025. № 69. С. 59–82. doi: 10.17223/19996195/69/3

Original article

doi: 10.17223/19996195/69/3

Linguistic and ethical aspects of political correctness

Olga A. Leontovich^{1,2}

¹ *Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia*

² *Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia*

^{1,2} *olgaleo@list.ru*

Abstract. The aim of the paper is to examine the relationship between the linguistic aspect of political correctness, politeness, and the ethical component of Western public discourse. The research material comprises 156 journalistic articles published in English- and Russian-language media in 2023–2024, 28 speeches delivered by prominent American and British politicians, scholars, and cultural figures during the same period, as well as online dictionaries, ethical codes and guidelines of universities and companies, web blogs, and user statements on social media, TV shows, and videos related to the issue of political correctness. The research methods include definitional and contextual analyses, semiotic method, and critical discourse analysis. Special attention in

the study was paid to precedents and intertextuality, which play a key role in shaping cultural meanings.

The article demonstrates that political correctness can be interpreted as: 1) a set of ethical norms; 2) a form of politeness; 3) a system of political views; and 4) a means of restricting freedom of speech. Challenges in studying political correctness include the ambiguity of ethical norms, leading to situations where the protection of one social community often infringes upon the interests of others; the "right to be offended" claimed by minority groups, while the rights of majority groups are ignored; the heterogeneity of minority groups; and the individual preferences of communication participants. Proponents of political correctness argue that its ethical principles emphasize respect for individuals, inclusivity ensuring that all population groups are equally involved in various types of social activities; and minimization of harm caused by discriminatory language and behavior toward historically oppressed social groups. Opponents, on the other hand, assert that political correctness is a form of censorship suppressing free speech, leading to the polarization of views and ethical disagreements.

Political correctness also shapes a system of political views, with trends historically shifting toward either conservative or liberal ideologies. Currently, it marks a dividing line between Democrats and Republicans in the United States, and between Labour and Conservatives in the United Kingdom.

The positive aspect of political correctness as a form of politeness lies in avoiding linguistic expressions and non-verbal gestures that offend communicators based on various aspects of their identity. However, its excessive implementation in public discourse is fraught with abuse through authoritarian imposition of verbal forms, attempts to revise established classifications, and the introduction of "linguistic hygiene" in society. Stereotypical language becomes a means of shaping a worldview not through understanding the essence of phenomena but by assigning evaluative labels ('good' – 'bad') as a result of indoctrination.

The linguistic aspect of political correctness influences communicative practices across all spheres of Western life: it defines educational policies, affects the film industry, sports, literature, painting, advertising, consumer goods sales, and shapes international relations. It conflicts with critical discourse and the pursuit of scientific truth.

The study concludes that the relationship between language and reality is shifting under the influence of political correctness: advocates insist on regulating words to prevent incorrect behaviour. The new terminology reflects a constructivist idea—to reshape traditional values, create a "new society", and thus create an alternative worldview. Moreover, words and expressions not directly related to political correctness are acquiring new meanings, gaining additional semantic connections and connotations. At the international level, norms of political correctness are largely dictated by English-speaking countries, particularly the United States, highlighting the need to develop intercultural norms of political correctness that consider both universal values and the national specifics of different languages and cultures.

Keywords: ethics, politeness, political correctness, social constructivism, freedom of speech, political discourse

Acknowledgement: The reported study was funded by RSF, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

For citation: Leontovich O.A. Linguistic and ethical aspects of political correctness. *Language and Culture*, 2025, 69, pp. 59-82. doi: 10.17223/19996195/69/3

Введение

Сложность этических проблем заключается в их размытости и неоднозначности, противоречивости лежащих в их основе оценочных смыслов

и социальных норм. Этические кодексы написаны в соответствии с определенными политическими установками и не универсальны. Соответственно, эти сложности проецируются на тесно связанные между собой понятия вежливости, этикета и политической корректности (ПК).

Особенность современной ПК заключается в том, что не только социальные нормы влияют на язык, но и язык в значительной степени определяет социальные нормы и коммуникативные практики. В настоящее время проблемы ПК занимают особое место в мировом политическом дискурсе, это один из камней преткновения между либералами и консерваторами, демократами и республиканцами, левыми и правыми. По риторике политика и используемым им словам можно догадаться о его партийной принадлежности. Соответствующие лингвоэтические проблемы проецируются и на российский публичный дискурс, хотя термин «политическая корректность» используется здесь исключительно в отрицательном значении.

Цель настоящей статьи – рассмотреть соотношение языкового аспекта ПК, вежливости и этической составляющей публичного дискурса. Статья является продолжением многолетнего исследования, представленного рядом публикаций автора [1–3]. Задачи статьи: 1) проанализировать соотношение этики, вежливости и политической корректности; 2) описать объекты ПК и средства их языкового обозначения; 3) рассмотреть противоречия в реализации ПК в политическом дискурсе; 4) выявить влияние ПК на современные коммуникативные практики; 5) описать специфику ПК в межкультурном общении.

Этическая противоречивость, неоднозначное отношение к явлению ПК, наличие у него большого количества как сторонников, так и противников обусловили сложную траекторию эволюции соответствующего термина. Проблемам ПК посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных исследователей, самыми значительными из которых мы считаем труды Н. Фэрклафа [4], Г. Гезера [5] и Дж. Хьюза [6], поскольку в них наиболее глубоко анализируется философский аспект ПК, его этическая и языковая составляющая.

В ранее написанных работах мы уже указывали, что первоначально термин «политическая корректность» зародился как ироническое обозначение «правильных» высказываний, безоговорочно поддерживающих линию представляемой партии, в особенности по отношению к маоизму. Со временем термин лишился иронической составляющей и стал обозначать запрет на использование слов и выражений по отношению к маргинализированным, дискриминируемым группам по таким параметрам их социальной идентичности, как раса, этническая принадлежность, гендер, возраст, физиологическое состояние, что, как мы полагаем, может трактоваться как разновидность вежливости [3]. Перегибы в практике использования ПК привели к тому, что в настоящее время отношение к этому явлению в высшей степени неоднозначно.

Нельзя не согласиться с Г. Гезером [5], который справедливо считает термин «политическая корректность» оксюмороном, поскольку политика по сути своей противоречива и вряд ли может оцениваться по принципу «правильно – неправильно», в то время как ПК предполагает наличие неоспоримых метаполитических установок, предписывающих, что можно, а что нельзя обсуждать, какие слова можно, а какие нельзя употреблять. Г. Гезер усматривает в базовых установках ПК сходство с марксизмом, где линия партии обусловлена «исторической необходимостью», и с «Маленькой красной книжцей» Мао Цзэдуна [5. Р. 2].

В настоящее время в большинстве источников определение ПК амбивалентно и предполагает указание как на его достоинства, так и недостатки. При этом сторонники ПК подчеркивают, что провозглашаемые ими этические принципы включают уважение к личности; инклюзивность, проявляющуюся в том, что все группы населения должны быть включены в разные виды общественной деятельности; а также минимизацию вреда, наносимого использованием дискриминационного языка и поведения по отношению к маргинализированным и исторически притесняемым социальным группам. Противники же делают упор на то, что ПК – это разновидность цензуры, подавляющая свободу слова, приводящая к поляризации точек зрения и к этическим разногласиям.

В данной статье мы покажем, что ПК может трактоваться как: 1) свод этических норм; 2) форма вежливости; 3) система политических взглядов; 4) средство ограничения свободы слова.

Методология исследования

В процессе исследования была использована комплексная методика, основанная на применении триангуляции, т.е. рассмотрении объекта анализа с разных сторон для повышения достоверности и надежности полученных результатов.

Дефиниционный анализ был направлен на формирование понятийного аппарата исследования путем сопоставления различных определений ключевых терминов («этика», «вежливость», «политическая корректность», «woke culture», «affirmative action» и т.д.) и выведения собственных рабочих дефиниций. Он также использовался для детального изучения словарных определений языковых единиц, трактуемых как политкорректные/неполиткорректные; словарных помет, маркирующих их оценочность и коннотацию; и соответствующих культурологических комментариев, позволяющих выявить их происхождение и динамику значения. Совокупность дефиниций позволяет получить наиболее полную информацию о языковой единице и ее употреблении. Так, например, *Cambridge Dictionary* и *Oxford Learner's Dictionary* делают акцент на том, что в британском варианте английского языка слово *woke* обо-

значает лишь форму прошедшего времени от *wake*, в то время как в американском оно также функционирует как прилагательное для обозначения социальной сознательности, особенно по отношению к расе и гендеру. Словарь *Merriam-Webster* относит это слово к американскому сленгу. Во всех вышеупомянутых лексикографических источниках указывается, что слово может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. В частности, в словаре *Merriam-Webster* одно из толкований дается с пометой *disapproving* (неодобрительно): *politically liberal or progressive (as in matters of racial and social justice) especially in a way that is considered unreasonable or extreme* (политически либеральный или прогрессивный (в вопросах расовой и социальной справедливости), особенно в такой форме, которая считается неразумной или чрезмерной).

Семиотический метод применялся для выявления означающего и означаемого анализируемых знаков, моделирования парадигматических и синтагматических отношений между ними, их декодирования и интерпретации генерируемых смыслов. Помимо языковых, в качестве знаков в контексте нашего исследования могут выступать цвет кожи и черты лица человека, телосложение, жесты, одежда, символы (например, радуга как знак принадлежности к сообществу ЛГБТ: знак с изображением инвалидной коляски; религиозная атрибутика) и т.д.

Целью *контекстуального анализа* было рассмотрение связи языковых единиц с их окружением, что принципиально для исследования данной темы, поскольку контекст играет определяющую роль в выявлении этичности/неэтичности, вежливости/невежливости высказывания. Именно контекст помогает понять, положительно или отрицательно оцениваются термины *political correctness*, *liberal policy*, *activism* и т.д. Как будет далее показано в статье, невинное слово *boy* может приобретать в контексте нежелательные ассоциации при обращении к взрослому чернокожему мужчине и расцениваться как проявление расизма.

Дискурс-анализ был использован для описания: 1) участников коммуникации; 2) социального контекста; 3) регистра и тональности общения; 4) экспликации и импликации дискурса; 5) коммуникативных стратегий; 6) эмоциональной составляющей дискурса. Одни и те же высказывания могут приобретать разную значимость в устах рядового гражданина и президента (см. далее об употреблении термина *illegal alien* Байденом и школьником). Исторический контекст и социальная ситуация также оказывают существенное влияние на их восприятие. Слово *gay*, которое ранее использовалось в значении «веселый», сначала стало политкорректным наименованием лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, а сегодня расценивается многими как нежелательное. Языковая единица может быть интерпретирована как вежливая или невежливая в зависимости от того, употреблена ли она серьезно или юмористически. Кроме того, непolitкорректным может считаться не только

эксплицитное указание на какой-либо параметр личностной идентичности, но и намек на него, например: *He знал, что блондинки бывают такие умные*. В данном примере обозначение гендера не дается прямо, но имплицитно.

Особое внимание также уделялось прецедентности и интертекстуальности, играющим важную роль в формировании культурных смыслов. Например, в слоганах *Blue lives matter* (в защиту прав полицейских) и *Old lives matter* (в защиту прав пожилых людей) содержится аллюзия к лозунгу движения *BLM (Black lives matter)*.

При определении этичности/неэтичности исследуемых коммуникативных ситуаций предпочтение отдавалось подходам с точки зрения критического дискурса-анализа (КДА), предполагающего активную позицию исследователя в оценивании рассматриваемых коммуникативных практик.

В качестве материала исследования выступают 156 публицистических статей в англоязычных и русскоязычных изданиях 2023–2024 гг., 28 речей известных американских и британских политиков, ученых и деятелей культуры того же временного периода; а также онлайн-словари терминов, этические кодексы и руководства университетов и компаний, веб-блоги и высказывания пользователей в социальных сетях, телевизионных передачах и видеороликах, относящиеся к проблеме ПК.

Исследование и результаты

Политическая корректность как свод этических норм

Этика – это система моральных и нравственных норм определенной социальной группы. По сути своей политкорректность представляет собой попытку установить единые этические нормы для всего общества и насильственно заставить всех соблюдать их; она направлена на очищение не только языка, но и мыслей. Меняется векторность взаимоотношения языка и действительности: сторонники ПК заявляют, что необходимо регулировать слова, чтобы они не вели к неправильным действиям. Утверждается, что использование «правильных слов» ведет к изменению самоощущения и положения дискриминируемых групп в обществе. Организации разрабатывают этические кодексы, которые, среди прочего, содержат правила политкорректного поведения. Например, этический кодекс ЮНЕСКО (*Handbook for Ethical Conduct*) включает такие разделы, как *Equal Opportunity and Anti-discrimination* и *Protection from Sexual Discrimination and Abuse* [7].

Далее рассмотрим этические проблемы, возникающие в процессе реализации политической корректности в дискурсе.

Неоднозначность этических норм. Защита одних социальных групп нередко означает посягательство на права других (защита темнокожих вызывает агрессию по отношению к белым; защита LGBT и права женщин на аборт воспринимается как нарушение прав верующих и т.д.) В связи с этим в настоящее время переоцениваются теоретические основы и практические формы применения ПК; неоднозначные отношения вызывают подходы, которые долгое время служили ее оплотом, такие как «политика позитивной дискриминации» (*affirmative action*), «критическая расовая теория» (*critical race theory*), «структурный расизм» (*structural racism*). Например, летом 2023 г. Верховный суд США запретил университетам использовать расовую принадлежность как преимущество при приеме в университеты – практику, основанную на «политике позитивной дискриминации» (Bloomberg. 30.06.2023).

Противоречивую реакцию также вызывает принцип *DEI*, расшифровываемый как *Diversity, Equity, and Inclusion* (разнообразие, равенство и инклюзия). Профессор Аризонского университета подал в суд на свое руководство за принуждение к прохождению курса *DEI*, который, с его точки зрения, не обучает равенству, а, напротив, является формой расизма (Fox News. 20.03.2024). Использование этого же термина вызвало скандал, связанный с вице-президентом США от Демократической партии Камалой Харрис, когда оппоненты-республиканцы назвали ее *DEI candidate* и *DEI hire*, намекая на то, что она получила высокую должность из-за своего цвета кожи (NBC News. 31.07.2024).

Термин *woke* (социальная сознательность), который первоначально использовался по отношению к борьбе против расизма, а позднее стал также применяться к гендерному равенству, защите окружающей среды и т.д., используется либералами в самом положительном смысле. Например, аудитория с нетерпением ждет выхода на экраны диснеевской «модернизированной» «Белоснежки» (*woke 'Snow White'*) с «не совсем белой» актрисой Рейчел Зеглер в главной роли. Однако в противовес этому термину появляется другой – неодобрительный: *wokery*, обозначающий чрезмерное рвение (*overzealous activism*), приоритет ПК в ущерб здравому смыслу и свободе слова, а также стремление произвести впечатление на окружающих и продемонстрировать свою социальную активность (*virtue signaling*).

«Право на обиду». Оскорбляться имеют право только меньшинства – права мажоритарных групп при этом игнорируются. Меньшинства представляются как жертвы, а сторонники ПК – как их защитники, в чем проявляется патернализм со стороны активистов, придерживающихся либеральных взглядов. Возникает вопрос: хотят ли жертвы, чтобы их защищали? Американские демократы не раз обвиняли республиканцев в расизме; последние, в свою очередь, атаковали Дж. Байдена, например, характеризуя его как политика, который ловит чернокожих избирателей «на живца» (*race baiting*). В качестве примера приводится

его выступление 2024 г. перед чернокожими выпускниками Колледжа Морхаус, в котором он, вместо того, чтобы поддержать их, говорил о расовой дискриминации. Все чаще звучат голоса о том, что представление чернокожих студентов как жертв несправедливости создает ощущение безнадежности. «Мы не хотим, чтобы нас нянчили, – говорят они. – Не надо судить нас на основе расовой принадлежности» (Fox News. 20.05.2024). Знаменитый американский чернокожий актер Морган Фриман выступил против празднования *Black History Month*, сказав: «Моя история – это американская история» (Fox News. 16.07.2024).

Диктат меньшинства. Как было показано выше, политическая корректность направлена на защиту миноритарных групп, игнорируя при этом права и потребности мажоритарных. Например, гендерная тема сейчас в наибольшей степени заметна в публичном дискурсе. При этом опросы показывают, что индивидуумы, идентифицирующие себя как *LGBTQ+*, составляют незначительный процент населения. Согласно официальным данным, 1,7% населения мира имеют некоторые отклонения в половом развитии [8]. Так, 0,5% населения Великобритании считают, что их гендерная идентичность отличается от их пола при рождении. Согласно данным Офиса национальной статистики 2021 г. [9], лишь 50 из 1,3 млн людей, родивших детей в 2020 г. (т.е. 0,0038%), не относят себя к женщинам. Тем не менее гендерные проблемы обсуждаются на уровне всего населения, программа *LGBT+* преподается в школах, проводятся общенациональные праздники и т.д.

Неоднородность миноритарных групп. Учитываются только вертикальные, но не горизонтальные связи между меньшинствами. Было бы ошибкой считать, что все представители меньшинств, о дискриминации которых идет речь, выступают единым фронтом – между разными группами существуют серьезные противоречия. Чернокожие американцы делят свои симпатии между демократами и республиканцами. Между этническими меньшинствами достаточно часто возникают конфликты. Исследователи пишут про противоречия внутри групп, объединенных по гендерному признаку (например, *trans-hostility in cis-lesbian communities*). При этом попытка объединить подобные группы под одним названием, например, называть всех американских индейцев *Native Americans*, предполагает наличие между ними единства и гармонии, которые просто-напросто не существуют, так как каждая группа имеет свою специфику. Аналогичные возражения вызывают аббревиатуры *BAME* (*Black, Asian and minority ethnic*) и *BME* (*Black and minority ethnic*), поскольку они пытаются соединить несоединимое и игнорируют самобытность каждого сообщества.

Индивидуальные предпочтения. Стремление применить единые этические нормы ко всему населению также не учитывает индивидуальные взгляды и желания членов различных сообществ. Всем ли женщи-

нам нравятся комплименты или это проявление сексизма? Все ли восхищаются мужской галантностью или некоторые желают полного равенства? Испытывают ли все представители чернокожего населения удовлетворение от того, что им постоянно напоминают о рабстве и расовой несправедливости, или хотели бы, чтобы их оставили в покое? Какие слова кажутся обидными разным людям? Хотят ли они, чтобы их стереотипизировали, относя к какой-то дискриминируемой социальной группе, или считают подобную стереотипизацию оскорбительной? Нужен ли им постоянно сменяющийся язык, претендующий на чистоту и отсутствие неполиткорректного компонента? Вышеописанные факторы, а также те, о которых будет сказано далее, обуславливают противоречивость ПК как способа установить единые этические нормы для всего общества.

Политическая корректность как форма вежливости

Рассмотрение ПК имеет непосредственное отношение к пониманию вежливости и социальной ответственности. Многочисленные исследования направлены на такие проблемы, как соотношение вежливости и невежливости, их динамика и социальные механизмы их использования [10]; соотношение вежливости с этикетом [11] и тактом [12]; «стратегическая» и «нестратегическая» вежливость [13, 14]; зависимость вежливости от ценностей, идентичностей и идеологии [15, 16]; роль вежливости в позитивной коммуникации [17]; речевая агрессия [18]; проявления вежливости в профессиональном [19] и других видах дискурса [20], а также в межкультурном контексте [21]. При этом исследователи задаются вопросами: где грань между вежливостью и невежливостью? Этикетом и вежливостью? Какие из этих понятий обозначают искреннее намерение быть предупредительными и заботиться о чувствах других людей, а какие – стремление к бесконфликтному общению с прагматическими целями, не подкрепленное внутренними убеждениями?

ПК может трактоваться как специфическая форма вежливости [3]. Представляется, что в условиях социальной фрагментации рассмотрение вежливости по параметрам идентичности, к которым относятся гендер, раса, этнос, возраст, социальный статус, физическое состояние, религиозные верования, имеет право на существование и продуктивно, так как способствует осмыслению не только языковых, но и социально-философских аспектов вежливости. При этом вскрывается противоречивость проявлений ПК: вежливость по отношению к одним группам и невежливость по отношению к другим; трактовка вежливости как слабости либо снисходительного отношения сильного к слабому, патернализм и т.д. Ниже рассмотрим некоторые особенности соотношения вежливости и ПК.

Политическая корректность далеко не всегда вежлива. Активисты нередко используют неэтичные, невежливые средства для того,

чтобы продвинуть свои взгляды. Один из красноречивых примеров – выступление трансактивистов против знаменитой американской сёрфингистки Бетани Гамильтон, которая ведет кампанию против участия трансгендерных мужчин в женском спорте. В возрасте 13 лет она потеряла руку в результате нападения акулы, но продолжила свою спортивную карьеру. Противники постоянно пытаются сорвать проводимые ею мероприятия; например, во время ее встречи с детьми в библиотеке один из активистов явился туда в костюме акулы (Fox News. 07.02.2024).

Инклюзивность не всегда инклюзивна. Хотя активисты заявляют о том, что выступают за равные права для всех, на многие проводимые ими мероприятия запрещен доступ людей, не входящих в их социальные группы. Отделу образования города Итака (штат Нью-Йорк) пришлось извиняться за использование языка, исключавшего белых студентов из участия в мероприятии только для «небелых студентов» (*non-White students, students of color*) (Fox News. 05.06.2024).

Широко распространены научные конференции «только для женщин или тех, кто себя так идентифицирует». В последнее время подобного рода перегибы в продвижении леворадикальной повестки становятся объектом насмешек. Например, в СМИ описана скандальная ситуация, когда на такую конференцию зарегистрировались многочисленные мужчины, объявившие себя небинарными личностями, но в конечном итоге не оказавшиеся таковыми – это было формой протеста против феминистской повестки (Fox News. 05.10.2023). В этой связи можно сделать важный с лингвистической точки зрения вывод: язык играет огромную роль в политкорректном дискурсе и превалирует над материальными проявлениями: достаточно объявить себя женщиной, чтобы тебя посчитали таковой. То же самое справедливо в отношении так называемой «трансгендерной туалетной политики» (*transgender bathroom policy*) в американских школах, которая позволяет ученикам пользоваться мужскими или женскими туалетами только на основе их самоидентификации, т.е. заявленного ими пола.

Политическая корректность как инструмент политической борьбы

Политкорректность формирует систему политических взглядов, при этом в разные времена наблюдается перевес в сторону консервативных либо либеральных взглядов. Анализ публичного дискурса доказывает, что ПК изменила векторность и стала уже сама определять политические взгляды и социальные практики. В настоящее время она знаменует собой водораздел между демократами и республиканцами в США, лейбористами и консерваторами в Великобритании.

В 1991 г. президент Джордж Буш-старший сказал о политкорректности следующее: «То, что начиналось как крестовый поход за вежливость, превратилось в причину конфликтов и даже цензуры». Он также

отмечал, что хотя это движение продиктовано похвальным желанием «смести обломки расизма, сексизма и ненависти, оно заменяет старые предрассудки на новые».

Доказательством тесной связи ПК с политикой также служит противостояние Д. Трампа и Х. Клинтон во время предвыборной кампании 2016 г., отношение к ПК демократов и республиканцев в 2024 г. – достаточно посмотреть на полярно противоположные оценки событий и явлений представителями этих партий. «Сегодня мы разделены по широкому кругу вопросов, которые вызывают страх и ненависть, – пишет газета U.S.News (16.07.2024), – это раса, <...> региональные и классовые различия, религия, пол, гендер, аборт, оружие и само выживание демократических норм и институтов».

То же самое наблюдается в Великобритании. В качестве примера можно привести противостояние между Р. Сунаком, который в свою бытность британским премьер-министром от консерваторов заявил, что страну не следует «запугивать», заставляя верить, что существует более двух полов, и что «женщина – это женщина» (Bloomberg. 04.10.2023), чем вызвал гнев своего оппонента от лейбористов К. Стармера, поддерживающего гендерную повестку.

Противоречия проявляются по разным параметрам ПК. Хорошо известна динамика предвыборной кампании в США 2024 г., когда Байден вынудили отказаться от президентской гонки в связи с его возрастом и физическим состоянием. При этом республиканцы высказывали в его адрес нелюбимые характеристики, такие как *senile*, *mentally incompetent*, *incapacitated*, *a doddering old fool*, в то время как Белый дом, по мнению журналистов, вел войну против обсуждения его возраста, т.е. защищал его от эйджизма.

Если Трамп последовательно неполиткорректен и неоднократно заявлял, что, став президентом, будет вести войну против преподавания детям «критической расовой теории, трансгендерного безумия и другого неуместного расового, сексуального или политического содержания» (USA Today. 15.07.2024), то Байден, горячо поддерживающий либеральную повестку, тем не менее, не раз бессознательно нарушал нормы ПК. Например, пресса обрушилась на него за то, что во время вручения награды чернокожему рэпперу, известному под псевдонимом LL Cool J, он назвал его словом ‘boy’, считающимся расистским обращением, в особенности по отношению к зрелому мужчине. Ранее он заявил, что афроамериканцы «не чернокожие» («ain’t black»), если они будут голосовать за Трампа (New York Post. 25.09.2023). Во время речи одного из своих республиканских оппонентов против абортов Байден перекрестился, что христиане восприняли как насмешку, поскольку церковь выступает против абортов (Fox News. 24.04.2024). Весной 2024 г. Трамп потребовал из-

винений от Байдена, поскольку последний своим указом назначил празднование Дня трансгендерной видимости (Transgender Day of Visibility) на пасхальное воскресенье (Fox News. 30.03.24). Таким образом, постоянно говоря об этике, политики сами не соблюдают принципы, которые проповедают.

Политическая корректность как средство ограничения свободы слова

Внедрение в обиход разного рода эвфемизмов рассматривается сторонниками политкорректности как средство преодоления расизма, сексизма, национализма, гомофобии и т.д., направленное на защиту прав определенных социальных групп. Их оппоненты полагают, что ПК становится препятствием к честным дебатам на сложные темы (см., например, [22]). С. В. Шифрин утверждает, что свобода слова – это единственный механизм, позволяющий точно передать мысль одного человека другому. Ограничение свободы слова, с ее точки зрения, препятствует осмысленному обмену мнениями между людьми [23. Р. 100].

В настоящее время вопрос о соотношении ПК и свободы слова стоит особенно остро: несмотря на красивые слова о демократических принципах устройства западного общества, многие темы стали запретными для обсуждения в университетах и на рабочих местах, такие как, например, преступность расовых и этнических меньшинств, смена пола у детей и подростков, различия мужчин и женщин с точки зрения медицины и т.д. Те, кто осмеливается противоречить либеральным установкам, касающимся расы, гендера, этноса и т.д., рискуют потерять работу либо стать объектами «культуры отмены». Х. Кэсс, известная врач-педиатр, сделавшая выводы о вреде применения блокаторов полового созревания у несовершеннолетних, стала получать угрозы в свой адрес и была наделена прозвищем *Terf (trans-exclusionary radical feminist)* (Mail Online. 14.05.2024), которое ранее также применяли к Дж.К. Роулинг, автору знаменитого «Гарри Поттера».

1 апреля 2024 г. в Шотландии вступил в силу закон, озаглавленный *Hate Crime and Public Order Act* (Закон о преступлениях на почве ненависти и общественном порядке), направленный против действий, возбуждающих ненависть на основе возраста, инвалидности, религии и сексуальной ориентации. Нарушение закона будет караться тюремным заключением сроком до семи лет. Против этого закона выступила вышеупомянутая Роулинг, ранее ставшая объектом «культуры отмены» из-за обвинений в трансфобии. Она призвала полицию арестовать ее, если ее высказывания попадают под действие закона.

В апреле 2024 г. школьника из Северной Каролины отстранили от занятий за использование термина *illegal alien* (нелегальный иммигрант),

хотя он официально признан и используется в законодательстве США, особенно в контексте иммиграции. Это событие получило широкий резонанс. Школа аргументировала свое решение тем, что, согласно школьной политике, использование подобных слов запрещено как выражение «домогательств, травли или дискриминационного языка». Рекомендуемые термины – *undocumented immigrant* или *unauthorized immigrant*.

Между тем в марте 2024 г. Байден также употребил в речи словосочетание *illegal alien*, что вызвало бурные дискуссии в прессе. Сторонники Байдена заявили, что нелегалов правильно называть *aliens*, а тех, кто приезжает в страну легально, – *immigrants*. В ответ на это директор Американского иммиграционного ведомства в Twitter назвал это высказывание «патриотической корректностью» и далее написал следующее: «Люди, пересекающие границу, являются иммигрантами. Они соответствуют как словарному определению (“человек, который приезжает в страну для постоянного проживания”), так и юридическому определению в Законе об иммиграции и гражданстве (“любой негражданин, который не является неиммигрантом”))» (Fox News. 08.03.2024).

Как показывает жизнь, наложение языковых запретов не слишком эффективно: язык живет по своим законам. Действительность не терпит черно-белого восприятия без полутонов – такой подход лишает участников коммуникации возможности аргументировать свою позицию, не дает простора для обсуждения. По мнению Г. Гезера, цензура и запреты ведут к конформизму и «либеральному тоталитаризму» [5. Р. 6].

Объекты политической корректности и их языковое обозначение

Слова выступают как маркеры личностной и групповой идентичности. Они становятся вехами, сигналами, свидетельствующими о мировоззрении представителей той или иной социальной группы. Эти словосигналы, как правило, отличаются семантической неопределенностью и текучестью смысла, что обусловлено постоянными попытками найти в определенный период времени наименее оскорбительный термин.

Ученые прослеживают непосредственную связь между ПК, языком и дискурсом. Согласно идеям социального конструкционизма, «язык структурирует нашу мысль, которая, в свою очередь, структурирует наше поведение» [24. Р. 33]. У.Б. Фэнкбонер [25] уподобляет ПК «программе лингвистической гигиены», которая, путем устранения из дискурса нежелательных слов, одновременно освобождает его от аморального поведения. Якобы правильная речь избавляет человека от предвзятости. «Разве дурные поступки не являются неизбежным следствием неправильных мыслей?» – вопрошает он.

С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что оскорбительная терминология может так же губительно воздействовать на личностную

идентичность, как физическое клеймо. Такие слова, как «негритос», «жиртрест», «урод» или «калека», в высшей степени невежливы и недопустимы в цивилизованном общении. С другой стороны, либеральная повестка предполагает многочисленные перегибы в использовании ПК. За новой терминологией стоит конструктивистская идея – перестроить систему устоявшихся ценностей и создать «новое общество», в основе которого – новая система ценностей. Согласно мнению Г. Гезера [5. Р. 10], она сродни конструктивистской эпистемологии, утверждающей, что «нет научной правды за пределами искусственно создаваемых (и постоянно подвергающихся пересмотру) вербализованных предпосылок, утверждений и теоретических построений». Дж. Хьюз пишет про пост-структуралистские стремления пересмотреть «данные от природы» классификации и истины здравого смысла, показывая, что они являются продуктом исторически обусловленных дискурсов и авторитарно навязанных вербальных норм [6. Р. 76].

Согласно нашему материалу, наибольшее количество современной политкорректной лексики относится к проблемам гендерной (само)идентификации. То, что ранее было представлено разрозненными терминами, сегодня составляет весьма значительный фрагмент западной картины мира. Отказ от бинарного подхода приводит к тому, что по отношению к «полу при рождении» стало часто использоваться определение «биологический» (*biological*). Оппоненты заявляют, что, употребляя его, говорящие автоматически соглашаются с тем, что есть пол «небиологический». Соответственно, получается, что нуждаются в конкретизации такие слова, как *man, woman, male, female, mother, father, boy, girl*. Появляется термин *third sex* (третий пол), вступающий в противоречие с привычной «природной» классификацией. Подобный подход находится в русле социального интеракционизма и порождает точку зрения, согласно которой акторы, использующие вербальные определения и категоризации, способны влиять на формирование индивидуальных и коллективных идентичностей, социальных ожиданий, норм, ролей и окружающей среды [5].

Создаются целые словари политкорректных терминов, относящихся к гендеру, расе, людям с ограниченными возможностями здоровья и т.д., конструирующие новолиберальное общество. В частности, существует большое количество лексем, относящихся к альтернативным видам гендерной самоидентификации: *nonbinary people, transgender (women and men), trans kids, intersex, gender expansive, gender non-conforming, gender awesome, gender fluid, gender diverse, LGBT (lesbian, gay, bisexual, transgender, and queer)* и *LGBT+ (lesbian, gay, bi, trans, queer, questioning and ace)*, а также к медицинскому обслуживанию и операциям по смене пола: *transgender health care, gender-affirming care, gender dysphoria, gender-reassignment procedures, gender transition, transition surgeries for minors, desexed materials for transgender and nonbinary people*. Соответственно, возникают

слова, обозначающие попытки вернуть себе первоначальный пол, например *detransitioned (boy)*. Вводятся новые слова для обозначения нетрадиционных видов межличностных отношений: *same-sex couples, same gender loving, same-sex-oriented*.

Попытки пересмотреть устоявшиеся классификации и сконструировать альтернативную картину мира вызывают негативную реакцию традиционалистов. Так, 8 апреля 2024 г. Ватикан обнародовал документ *Dignitas Infinita*, в котором определил свою этику – осуждаются небинарный подход к гендеру и суррогатное материнство. В документе, в частности, говорится, что «Бог создал мужчину и женщину как различных существ» и что попытка изменить этот замысел знаменует собой намерение «сделать себя Богом». Признается, что существует возможность хирургического вмешательства для устранения «генитальных аномалий», но такая медицинская процедура не является сменой пола в том смысле, который в это вкладывают либералы [26].

В США происходят бурные дискуссии в отношении лиц, которые могут родить ребенка; предлагается заменить термин *pregnant women* на *pregnant people, birthing people* или *birth-giver*. Министерство здравоохранения США рекомендует избегать «бинарного языка», предполагающего наличие только двух полов (*both genders, opposite sex, either sex*), а также заменять термины *mothering* на *parenting* или *caregiving* [27]. Для «кормления грудью» вместо *breast feeding* предлагают ввести термины *chest feeding* или *infant feeding*. Такое словотворчество вызвало негодование в консервативных кругах, особенно среди женщин. Энн Ромни, жена сенатора штата Юта, написала в Twitter, что подобная попытка заставить людей использовать модные словечки оскорбительна для всех матерей (The Atlantic. 17.09.2021).

Язык также отражает либеральное законотворчество: *gender neutral policy, LGBTQ+ rights, transgender bathroom policy*. Негативно-оценочная лексика используется для обозначения антилиберальных взглядов и поведения: *sexism, machismo, transphobic, anti-LGBTQ sentiment, anti-LGBTQ+ action, transmisogyny* (*transphobia + misogyny* = предубеждение против женщин-транссексуалов), а также соответствующей коммуникации, например, *misgender* – «неправильное» использование гендерных терминов и местоимений.

Нетрудно увидеть, что все эти правила выступают как средства продвижения политики LGBTQ+. Той же цели служит широко отмечаемые праздники: *Transgender Day (Trans Day) of Visibility, Heterosexual Awesomeness Month, Pride month*. В связи с последним отметим, что слово *pride*, как и изображение радуги, апроприированы представителями сексуальных меньшинств. В школах введен так называемый *LGBTQ curriculum* – программа, обучающая детей истории и обществен-

ному вкладу представителей сексуальных меньшинств, что также продвигает либеральную повестку. Стереотипный язык впечатывается в сознание детей и молодежи и становится способом формирования картины мира не по принципу понимания сущности явлений, а по линии надделения соответствующей терминологии оценочностью («хорошо – плохо») как результата внушения.

Термины, относящиеся к расе, также занимают важное место в либеральной повестке. Здесь в большей степени проявляется не столько новая лексика, сколько переосмысление старой, переключение оценочности, надделение слов новыми коннотациями.

Color-blind society – понятие, которое предполагает отношения в обществе, не заикленные на цвете кожи и этнической принадлежности. Однако огромное внимание к проблеме расы, а также проявления «реверсивного расизма» показывают, что США далеки от построения такого общества. Более того, игнорирование цвета кожи (*color-blindness* или *color evasion*) считается проявлением расизма (*color-blind racism*), средством увековечивания расовой и этнической стратификации общества.

Ключевые слова, относящиеся к расовым проблемам, – *black* и *white*. Слово *white* (белый) и его эквиваленты в разных языках традиционно употреблялись с положительной коннотацией (*whiter than white*, *white lie*, *белый и пушистый*, *белая зависть*), а *black* – с отрицательной (*black sheep*, *black list*, *черная зависть*, *черная душа*). В ходе движения за гражданские права в 1960-е гг. была сделана попытка изменить оценочность слова *black* на положительную по отношению к расе, что отразилось в лозунге *Black is Beautiful*. В последующие годы эта тенденция продолжилась, появились выражения *Black pride*, *Black power*, *Black consciousness*; в настоящее время отмечается *Black History Month*.

В то же время слово *white*, относящееся к расе, стало наделяться отрицательными коннотациями, т.е. подверглось процессу пейорации: *white privilege*, *white supremacy*, *white feminism*. Термин *whiteness* начал обозначать возвышение белых людей над темнокожими, т.е. определенный аспект расизма. *Political Whiteness* – это социальный конструкт, отражающий политическую власть, ценности и поведение людей с белым цветом кожи, средство дискриминации людей, объединяемых термином *non-white*.

В фильме *The American Society of Magical Negroes* (2024) белых людей называют «самыми опасными животными на планете». К белым предъявляют особые правила; например, в британском издании *The Guardian* (02.09.2023) обсуждается вопрос: *When is it OK for white people to ask about other people's ethnicity?* («Когда белым прилично задавать другим людям вопрос об их этнической принадлежности?»); при этом утверждается, что для темнокожих некомфортно, когда на них смотрят «глазами белых» (*through the white gaze*).

ПК, относящаяся к другим видам дискриминации, также обладает собственным набором терминов, хотя и не столь разнообразным, например, *ableism vs. disablism* – дискриминация по физическому состоянию; *ageism, elder oppression, youth oppression* – ущемление прав молодежи и людей старшего возраста; *xenophobia, ethnic minority, minority ethnic, minoritised ethnic* – притеснение по этическому признаку и т.д. (см. также [1–3]).

Кроме того, слова и выражения, не имеющие непосредственного отношения к ПК, стали наделяться новыми смыслами, обретать дополнительные семантические связи и коннотации. Так, слово *tomboy* – девочка или девушка с мальчишескими замашками – стало ассоциироваться с гендерной самоидентификацией, чего не было ранее. Некоторым видам занятий, например английскому крикету, ныне приписываются такие характеристики, как «расистский, сексистский и элитарный» (The Guardian. 27.06.2023). Некоторые группы населения начали выступать против классических произведений искусства, жалуясь, что они вызывают у них неприятные ассоциации. Так, Музей Фицуильяма при Кембриджском университете объявил о пересмотре своей коллекции в связи с тем, что идиллические исторические пейзажи пробуждают в посетителях «темные националистические чувства» (Fox News. 20.03.2024). Зазвучали голоса, потребовавшие убрать из Музея Прадо в Мадриде знаменитое полотно «Менины» Веласкеса, поскольку на первом плане изображена карлица (Euronews. 29.01.2024). Преподавательница Лондонского университета японского происхождения подала в суд на своего начальника за то, что во время обеда он спросил ее, любит ли она суши, – она усмотрела в этом расистские настроения и предвзятость (Fox News. 16.05.2024). Лидера испанской Консервативной партии Фейхоо обвинили в сексизме, когда во время дискуссии с министром труда Йоландой Диаз он использовал фразу *De maquillaje sabe mucho* (игра слов: «знает много о косметике» и «знает, как приукрасить факты») (Público. 21.07.2023).

ПК также приводит к нарушению привычной оценочности. Когда к нерадивым ученикам школ применяют определение *worst best* («худший из лучших»), шадя их чувства, это фактически знаменует собой отсутствие оценки и отвлечение внимания от таких факторов, как продуктивность, трудолюбие и иные достижения.

Как мы отметили выше, сторонники ПК считают средством борьбы за справедливость замену слов на новые, более политически корректные. Общеизвестные примеры – динамика лексем *Negroes > blacks > colored > African-Americans > Blacks; old (people) > elderly > older*. NASA отказалось от использования наименований объектов Вселенной «Эскимосская туманность» и «Галактика сиамских близнецов» в пользу их обозначений в каталоге Международного астрономического союза – NGC-2392 и NGC-4567 (Комсомольская правда. 09.08.2020).

С 2025 г. организация *Boy Scouts of America* будет называться *Scouting America* для большей инклюзивности (Fox News. 07.05.2024) На волне движения *Black Lives Matter* американская футбольная команда *Washington Redskins* изменила название на *Washington Commanders*. Причиной прослужила пейорация слова *redskins* для обозначения индейцев. Теперь болельщики выступают с петициями, требуя вернуть команде старое название (New York Post. 14.08.2023).

Жизнь показывает, что переименования бесполезны: постепенно слова ассимилируют те же значения и коннотации, что и старые, которые были запрещены, а это свидетельствует о том, что причиной является не язык, а настроения в обществе. Г. Гезер отмечает, что «слова подвергаются необратимой пейорации», в результате чего происходит бесконечный цикл замены старых эвфемизмов на новые [5. Р. 11].

Влияние на коммуникативные практики

Языковой аспект политкорректности проецируется на коммуникативные практики во всех сферах жизни в западных обществах. Политическая корректность определяет политику учебных заведений, влияет на киноиндустрию, спорт, литературу, живопись, определяет характер рекламы и продажи товаров широкого потребления, а также международные отношения. В частности, она вступает в противоречие с критическим дискурсом и поиском научной истины. В университетах США и Великобритании преподаватели не могут читать лекции, не оглядываясь на политкорректность; студенты подают в суд, когда им только завидится намек на ее нарушение. Из программ различных дисциплин исключаются труды классиков («мертвых белых мужчин»). Из университетских и школьных библиотек изгоняется классическая литература, например произведения Шекспира из-за обвинений в сексизме («Укрощение строптивой»), антисемитизме («Венецианский купец»), расизме («Отелло») и т.д. «Отменяются» или переписываются детские книги, на которых выросли целые поколения, например, таких авторов, как Энид Блайтон (*Enid Blyton*) или Д-р Зойс (*Dr. Seuss*).

Ученые-медики избегают исследований, посвященных анализу биологических различий между мужчинами и женщинами. Врачи не могут прописывать нужные лекарства, поскольку пациенты-трансгендеры жалуются, что их не лечат в соответствии с их гендерным самоопределением. Работники сферы здравоохранения предупреждают, что замена слова *mothers* на *birthing people* в годовом бюджете США 2022 г., а также слова *women* на *birth-givers* или *pregnant people* в медицинском дискурсе может иметь серьезные последствия для женского здоровья (The Hill. 01.02.2022).

Возникают противоречия между либеральной политикой и церковью, где прослеживаются две основных тенденции. Во-первых, повестка расизма и сексизма превалирует над религиозными взглядами. Так, например, в 2019 г. в штате Индиана у родителей-христиан забрали ребенка после того, как они отказались использовать по отношению к нему местоимение «она», не соответствующее его биологическому полу (Fox News. 20.02.2024). Примером также служит на шумевшая имперсонализация «Тайной вечери» Леонардо да Винчи представителями ЛГБТ на парижской Олимпиаде 2024 г. Во-вторых, толерантность в основном касается мусульманства; христианские ценности игнорируются. Религиозные темы и символы были запрещены на конкурсе росписи пасхальных яиц 2024 г. в Белом доме, что стало предметом обсуждения и политических дискуссий (NBC News. 31.03.2024).

Как мы уже упоминали выше, возникает неоднозначность восприятия произведений искусства. Например, преподавательница Пенсильванского университета объявила присутствие знаменитой картины Гойи «Маха обнаженная» на стене в аудитории «преследованием на сексуальной почве» (*sexual harassment*), в результате чего картину убрали [28. Р. 699]. Это в очередной раз доказывает, что «культура отмены», которую один из журналистов издания *New York Times* назвал «социальным убийством» (*social murder*), применяется произвольно, «без суда и следствия», без надежных критериев оценки произведений искусства, по принципу «кто громче кричит» и запускает онлайн-кампании. Следствием становятся самоцензура, ограничения, которые на себя накладывает сам говорящий или пишущий, боясь, чтобы его не «отменили». Из-за тематических и языковых запретов также существенно изменился комический дискурс.

Расхождения в этических нормах создает опасность недопонимания между коммуникантами как внутри страны, так и на международной арене. В настоящее время эти нормы в большинстве своем диктуются англоговорящими странами, в особенности США. Национально-культурная специфика при этом игнорируется. Волюнтаристское развитие политкорректного языка лингвистами и, тем более, автоматический перенос норм английского языка на другие языки не оправданы и непрактичны. Эти нормы должны разрабатываться на основе научных исследований, о чем, в частности, заявили представители Королевской академии испанского языка, выразившие недовольство тем, что их не привлекли к разработке правил использования политкорректного языка [29]. Член Ассоциации немецкого языка О. Баер заявил, что попытки использовать гендерно-нейтральные формы в кембриджском курсе немецкого языка смехотворны, поскольку язык не поддается руководству сверху, с чем соглашаются его коллеги по Ассоциации (New York Post. 26.10.2022).

Влияние английского прослеживается и в русском языке, проявляясь в многочисленных заимствованиях политкорректной лексики (*сексизм, эйджизм, харассмент, эйблизм*), образовании феминитивов, попытках применять местоимение «они» к небинарным личностям и т.д. Тем не менее подобные изменения в языках, где существительные имеют грамматический род, намного сложнее осуществить, чем в английском. Здесь также требуется участие лингвистов и специалистов из смежных наук.

Заключение

По результатам исследования сделан вывод о том, что ПК может трактоваться как: 1) свод этических норм; 2) форма вежливости; 3) система политических взглядов; 4) средство ограничения свободы слова. Противоречивость политкорректности в современном публичном дискурсе проявляется в неоднозначности этических норм, патернализме со стороны мажоритарных групп, диктате меньшинства, неоднородности миноритарных групп и семантической неоднозначности политкорректной терминологии.

Несмотря на то, что изначально ПК представляла собой особую форму вежливости, направленную на недискриминационный дискурс по параметрам расы, этнической принадлежности, гендера, возраста и физического состояния, в настоящее время она далеко не всегда вежлива и инклюзивна. Политическая корректность формирует систему политических взглядов; отношение к ней отражает глубокие разногласия между левыми и правыми, либералами и консерваторами. При этом, постоянно говоря об этике, политики сами не всегда соблюдают в дискурсе принципы, которые проповедают. За новой политкорректной терминологией стоит конструктивистская идея – перестроить систему устоявшихся ценностей и построить «новое общество», основанное на альтернативной картине мира. Разработка этических норм и правил вежливого взаимодействия внутри культуры и в межкультурном контексте является необходимостью, однако этот процесс должен проходить коллегиально, с участием специалистов из разных культур и областей знания.

Список источников

1. *Леонтович О.А.* Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. № 25 (1). С. 194–220.
2. *Леонтович О.А.* Сенситивность, политическая корректность и новые коммуникативные практики // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2021. Вып. 6 (848). С. 83–92.
3. *Леонтович О.А.* Магия вежливости или диктат политической корректности? Соотношение понятий // *Русский язык за рубежом*. 2023. № 5. С. 16–21.

4. **Fairclough N.** Political correctness: The politics of culture and language // *Discourse and Society*. 2003. № 14 (1). P. 17–28.
5. **Geser H.** Political Correctness: Mental Disorder, Childish Fad or Advance of Human Civilization? 2008. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssaoar-323787>
6. **Hughes G.** Political correctness: A history of semantics and culture. Wiley-Blackwell, 2009. 336 p.
7. **UNESCO's** handbook for ethical conduct: how we shape and safeguard our ethical commitments. 2023. 56 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf00000386038>
8. **National Institute for Children's Health Quality.** 29.06.2021. URL: <https://nichq.org/in-sight/exploring-nonbinary-approach-health>
9. **Births** by parents' country of birth, England and Wales: 2020. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/live-births/bulletins/parentscountryofbirthenglandandwales/2020>
10. **Вежливость** и антивежливость в языке и коммуникации : материалы Междунар. науч. конф., состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 318 с.
11. **Алпатов В.М.** Вежливость и этикет (на русском и японском материале) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации : материалы Междунар. науч. конф., состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М. : Политическая энциклопедия, 2018. С. 7–12.
12. **Иссерс О.С.** Бестактный вопрос как коммуникативная проблема русской речевой культуры // *Русский язык за рубежом*. 2023. № 5. С. 22–30.
13. **O'Driscoll J., Haugh M.** 20 years (further) on: whither politeness studies now? Opening up the binaries // *Journal of Politeness Research*. 2024. № 20 (1). P. 1–9.
14. **Terakourafi M.** Reconfiguring the strategic/non-strategic binary in im/politeness research // *Journal of Politeness Research*. 2024. № 20 (1). P. 111–134.
15. **Xie C.** The Philosophy of (Im)Politeness. Springer, 2021. 259 p.
16. **Su H.-Y., Lee W.-H.** Metadiscourse of impoliteness, language ideology, and identity: offense-taking as social action // *Journal of Politeness Research*. 2022. № 18 (2). P. 227–255.
17. **Leontovich O.A.** Dichotomization as a basis of positive communication analysis in an intercultural context // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание*. 2023. Т. 22, № 4. С. 76–85.
18. **Брагина Н.Г., Шаронов И.А.** «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23, № 4. С. 975–993.
19. **Malyuga E., Maksimova D., Ivanova M.** Cognitive and Discursive Features of Speech Etiquette in Corporate Communication // *International Journal of English Linguistic*. 2019. № 9 (3). P. 310–318.
20. **Tivyayeva I.V., Abdulmianova D.R.** Digital politeness in online translator and interpreter training: The lessons of the pandemic // *Training, Language and Culture*. 2023. № 7 (1). P. 101–115.
21. **Leech G.N., Larina T.** Politeness: West and East // *Russian Journal of Linguistics*. 2014. Vol. 4. P. 9–34.
22. **Tsakalakis T.** Introduction: *A Lannister Always Dates His Pets* // *Political Correctness: A Sociocultural Black Hole*. New York : Routledge, 2021. P. 1–14.
23. **Shiffrin S.V.** *Speech Matters: On Lying, Morality, and the Law*. Princeton University Press, 2015. 248 p.
24. **Morrice D.** Philosophical Errors of Political Correctness // *Politics*. 1993. № 13 (2). P. 32–37.
25. **Fankboner W.B.** *America in Crisis: The Triumph of Political Correctness*. Indio, California, 2004. URL: <http://members.aol.com/williefank/pc-essay.htm>
26. **Declaration** “Dignitas Infinita” (On Human Dignity). URL: https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_dff_doc_20240402_dignitas-infinita_en.html

27. **Inclusive** and Gender-Neutral Language. National Institutes of Health. URL: <https://www.nih.gov/nihstyle-guide/inclusive-gender-neutral-language>
28. **Lasson K.** Political Correctness Askew: Excesses in the Pursuit of Minds and Manners // Tennessee Law Review. 1996. № 63 (3). P. 688–733.
29. **Bosque I.** Sexismo Lingüístico y visibilidad de la mujer. 2012. URL: <https://www.rae.es/si>.

References

1. Leontovich O.A. (2021) Politicheskaja korrektnost', inkljuzivnyj jazyk i svoboda slova: dinamika ponjatij [The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech] // Russian Journal of Linguistics. 25 (1). pp. 194–220.
2. Leontovich O.A. (2021) Sensitivnost', politicheskaja korrektnost' i novye kommunikativnye praktiki [Sensitivity, political correctness and new communication practices] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Vol. 6 (848). pp. 83–92.
3. Leontovich O.A. (2023) Magija vezhливosti ili diktat politicheskoy korrektnosti? Sootnoshenie ponjatij [Magic of politeness or dictate of political correctness? Correlation of concepts] // Russkij jazyk za rubezhom. 5. pp. 16–21.
4. Fairclough N. (2003) Political correctness: The politics of culture and language // Discourse and Society. 14 (1). pp. 17–28.
5. Geser H. (2008) Political Correctness: Mental Disorder, Childish Fad or Advance of Human Civilization? URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-323787>
6. Hughes G. (2009) Political correctness: A history of semantics and culture. Wiley-Blackwell. 336 p.
7. UNESCO's handbook for ethical conduct: how we shape and safeguard our ethical commitments (2023). 56 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386038>
8. National Institute for Children's Health Quality (2021). URL: <https://nichq.org/insight/exploring-nonbinary-approach-health>
9. Births by parents' country of birth, England and Wales (2020). URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/live-births/bulletins/parentscountryofbirthenglandandwales/2020>
10. Vezhливost' i antivezhливost' v jazyke i kommunikacii: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, sostojavshejsja v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktjabrja 2018 g. [Politeness and antipoliteness in language and communication: Proceedings of the International Scientific Conference held at the Institute of Linguistics of RSUH on October 23–24, 2018] (2018) / Sost. i otv. red. I.A. Sharonov. M.: Politicheskaja enciklopedija. 318 p.
11. Alpatov V.M. (2018) Vezhливost' i jetiket (na russkom i japonskom materiale) [Politeness and Etiquette (based on Russian and Japanese material)] // Vezhливost' i antivezhливost' v jazyke i kommunikacii: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, sostojavshejsja v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktjabrja 2018 g. / Sost. i otv. red. I.A. Sharonov. M.: Politicheskaja enciklopedija. pp. 7–12.
12. Issers O.S. (2023) Bestaktnyj vopros kak kommunikativnaja problema russkoj rechevoj kul'tury [A tactless question as a communicative problem in Russian speech culture] // Russkij jazyk za rubezhom. 5. pp. 22–30.
13. O'Driscoll J., Haugh M. (2024) 20 years (further) on: whither politeness studies now? Opening up the binaries // Journal of Politeness Research. 20 (1). pp. 1–9.
14. Terkourafi M. (2024) Reconfiguring the strategic/non-strategic binary in im/politeness research // Journal of Politeness Research. 20 (1). pp. 111–134.
15. Xie C. (2021) The Philosophy of (Im)Politeness. Springer. 259 p.
16. Su H.Y., Lee W.H. (2022) Metadiscourse of impoliteness, language ideology, and identity: offense-taking as social action // Journal of Politeness Research. 18 (2). pp. 227–255.

17. Leontovich O.A. (2023) Dichotomization as a basis of positive communication analysis in an intercultural context // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. Vol. 22 (4). pp. 76-85.
18. Bragina N.G., Sharonov I.A. (2019) "Pedagogicheskaja" agressija v russkoj bytovoj komunikacii ["Pedagogical" aggression in Russian everyday communication] // Russian Journal of Linguistics. Vol. 23 (4). pp. 975-993.
19. Malyuga E., Maksimova D., Ivanova M. (2019) Cognitive and Discursive Features of Speech Etiquette in Corporate Communication. International Journal of English Linguistic, 9 (3). pp. 310-318.
20. Tivyayeva I.V., Abdulmianova D.R. (2023) Digital politeness in online translator and interpreter training: The lessons of the pandemic // Training, Language and Culture. 7 (1). pp. 101-115.
21. Leech G.N., Larina T. (2014) Politeness: West and East // Russian Journal of Linguistics. Vol. 4. pp. 9-34.
22. Tsakalakis T. (2021) Introduction: A Lannister Always Dates His Pets // Political Correctness: A Sociocultural Black Hole. Abingdon, Oxon; New York, Routledge. pp. 1-14.
23. Shiffrin S.V. (2015) Speech Matters: On Lying, Morality, and the Law. Princeton University Press. 248 p.
24. Morrice D. (1993) Philosophical Errors of Political Correctness // Politics. 13 (2). pp. 32-37.
25. Fankboner W.B. (2004) America in Crisis: The Triumph of Political Correctness. Indio, California. URL: <http://members.aol.com/williefank/pc-essay.htm>
26. Declaration "Dignitas Infinita" (On Human Dignity). URL: https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_dof_doc_20240402_dignitas-infinita_en.html
27. Inclusive and Gender-Neutral Language. National Institutes of Health. URL: <https://www.nih.gov/nihstyle-guide/inclusive-gender-neutral-language>
28. Lasson K. (1996) Political Correctness Askew: Excesses in the Pursuit of Minds and Manners // Tennessee Law Review. 63 (3). pp. 688-733.
29. Bosque I. (2012) Sexismo Lingüístico y visibilidad de la mujer. URL: <https://www.rae.es/si>.

Информация об авторе:

Леонтович О.А. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия); главный научный сотрудник Лаборатории филологических исследований департамента научной деятельности, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия). E-mail: olgaleo@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Leontovich O.A., D.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia); Chief Researcher at the Laboratory of Philological Studies, Research Department, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia). Email: olgaleo@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 21.04.2024; принята к публикации 28.02.2025

Received 21.04.2024; accepted for publication 28.02.2025